

Мама стояла в центре своей очаровательной, залитой лучами сентябрьского солнца гостиной и возмущенно выговаривала мне:

— Прю, да ты с ума сошла!

Казалось, она расплатится от огорчения, но я-то знала, что этого не будет: иначе испортится безупречный макияж, опухнет лицо, а опущенные уголки губ подчеркнут предательские морщинки. Нет, мама не заплачет, ведь внешность для нее превыше всего.

Мы стояли по разные стороны коврика перед камином. Мама облачилась в безукоризненный шерстяной костюм малинового цвета, белую шелковую блузку, в ушах — золотые серьги, на руке сверкал браслет с подвесками, а тронутые легким серебром волосы лежали аккуратными завитками.

Мама изо всех сил сдерживала бушевавшие внутри эмоции: гнев, материнскую тревогу, но в основном разочарование. Мне даже стало жаль ее.

— Брось, мам, это же не конец света, — сказала я, но мои слова прозвучали неубедительно.

— Впервые у тебя появился такой подходящий кавалер...

— Мамочка, так давно уже никто не выражается...

— Он обаятельный мужчина, надежный, хорошо устроенный, да и с родителями ему повезло. Тебе двадцать три года, пора уже обзавестись семьей, детишками, домом.

— Мам, он еще не сделал мне предложения!

— Конечно! Просто он ждет подходящего момента — хочет привезти тебя в родительский дом, познакомить с матерью. Что в этом такого? Очевидно, именно так он и размышляет. Ты бы только видела вас со стороны: сразу становится ясно, как безумно он влюблен в тебя.

— Найджел вряд ли способен на безумство.

— Ну правда, Прю! Не понимаю, чего тебе еще нужно.

— Мне ничего не нужно.

Мы так часто возвращались к этой теме, что я прекрасно заучила свою роль, помнила каждое словечко.

— У меня есть все, что я хочу. Любимая работа, моя квартирка...

— Вряд ли можно назвать это однокомнатное полуподвальное помещение квартирой...

— И я еще не готова обзаводиться семьей.

— Тебе двадцать три! Я вышла замуж в девятнадцать.

«И через шесть лет развелась», — чуть не лягнула я. Мама могла кого угодно вывести из себя, но не стоило говорить ей подобных вещей. Она обладала железной волей и стальным харак-

тером, благодаря чему всегда получала желаемое, однако была в ней некоторая уязвимость — эта изящная фигура, огромные голубые глаза, невероятная женственность, — и нагругить маме было никак нельзя.

Я распахнула рот, но тут же закрыла его, растерянно уставившись на мать. Она тоже смотрела на меня — с упреком, ничего при этом не говоря, и я в тысячный раз поняла, почему мой отец влюбился в нее с первого взгляда: она была совершенно неотразима, а он олицетворял все то, что привлекало мою мать в мужчинах.

Моего отца зовут Хью Шеклтон. В те времена он работал в Лондоне, в одном из коммерческих банков Сити, жил на широкую ногу, и впереди его ждало блистательное будущее. Однако чувствовал он себя не в своей тарелке. Сами Шеклтоны были выходцами из Нортумберленда. Отец вырос на ферме под названием Уиндиэдж, где обширные пастбища спускались до самых вод холодного Северного моря, а над ними гуляли зимние ветра с Уральских гор. Эту любовь к загородной жизни отец сохранил в своем сердце и всегда тосковал по родным краям. Когда он женился на моей матери, фермой еще управлял его старший брат. Но позже — мне было лет пять — тот трагически погиб на охоте. Отец отправился в Нортумберленд на похороны, пробыл там пять дней и вернулся домой преисполненный решимости уйти с работы, продать дом в Лондоне и уехать в Уиндиэдж, о чем и заявил супруге. Он собирался отныне посвящать себя фермерству.

Последовавшие за этим ссоры и скандалы, слезы и упреки стали моими первыми поистине несчастливыми воспоминаниями. Мать перепробовала все, лишь бы отец изменил свое решение, но он оставался непреклонным. Наконец поставила ультиматум: если он и вернется в Нортумберленд, то в полном одиночестве. К ее удивлению, отец так и поступил. Возможно, он ожидал, что мама последует за ним, но та была не менее упертой. Через год они развелись. После продажи дома на Полтон-сквер мать переехала в другой, поменьше, неподалеку от Парсонс-Грин. Конечно же, я осталась с ней, но каждый год уезжала на пару недель в Нортумберленд, чтобы пообщаться с папой. Спустя некоторое время он вновь женился — на застенчивой девушке с лошадиным лицом. Юбки моей мачехи всегда выглядели поношенными, а веснушчатых щек вряд ли когда касалась пуховка с пудрой. Но отец был очень счастлив с новой супругой. Они и сейчас счастливы. Чему я и рада.

Однако маме развод дался нелегко. Она вышла за отца, поскольку тот соответствовал ее идеалу мужественности. Мама и не думала копнуть глубже, заглянуть за респектабельный фасад в виде полосатого костюма и портфеля. У нее не было ни малейшего желания погружаться в сокровенные глубины его души. Но Шеклтоны полны неожиданностей, и, на горе матери, я пошла по их стопам. Мой покойный дядюшка увлекался не только фермерством, но еще и музыкой. Отец в свободное время вышивал прекрасные картины. Главной же бунтаркой в семье была их сестра Фиби. Будучи состояв-

шейся художницей и необыкновенно харизматичной личностью, она с пренебрежением относилась к повседневным условностям, что мама никогда не могла принять.

Еще совсем в юном возрасте Фиби отправилась покорять Лондон, но в более зрелые годы стерла со своих туфель городскую пыль и уехала в Корнуолл, где счастливо жила вместе с очаровательным мужчиной, скульптором по имени Чипс Армитаж. Увы, они так и не расписались — жена не давала ему развода, — а когда он умер, то оставил Фиби свой скромный викторианский готический особняк в Пенмарроне, где моя тетушка с тех пор и обитала.

Несмотря на это отклонение Фиби от общепринятых норм, мать не смогла полностью списать ее со счетов, поскольку та была моей крестной. Время от времени нам приходило приглашение погостить у нее. В письмах ясно говорилось, что Фиби с радостью примет меня и без сопровождения. Но мать опасалась дурного влияния богемы, и, действуя согласно принципу, что если Шеклтонов нельзя одолеть, то надо к ним примкнуть, она всегда составляла мне компанию, пока я была ребенком.

В первую нашу поездку в Корнуолл я места себя не находила от волнения. Даже будучи маленькой, понимала, что у мамы и тети Фиби нет ничего общего. Перспектива двухнедельных размолвок или гнетущей тишины жутко пугала меня. Но я недооценила гостеприимство Фиби. Она обо всем позаботилась, познакомив маму с миссис Толливер. Та жила в особняке Уайтлодж, тоже в Пенмарроне, и проводила время

в тесном кругу друзей, которые с радостью приглашали мою красавицу-мать на дневные игры в бридж и званые обеды.

В ясные дни она преспокойно играла с ними в карты, пока мы с Фиби развлекались. Иногда гуляли по пляжу или располагались с мольбертами возле старой дамбы, а порой отправлялись в глубинку на стареньком «фольксвагене» — его Фиби использовала в качестве передвижной студии. После мы забирались в вересковые пустоши и упивались пейзажами, тонувшими в ярко-белом свете, который, казалось, отражался от самого моря.

Несмотря на все старания матери, Фиби сильно повлияла на мою жизнь. В том числе и косвенным образом, что проявилось в унаследованном мной таланте к рисованию. А также и в более практичных вещах, сформировавших мою решимость учиться во Флоренции и поступить в школу искусств. Все это в итоге привело меня к нынешней работе в галерее Маркуса Бернштейна на Корк-стрит.

Повздорили мы с мамой как раз из-за Фиби. Найджел Гордон появился в моей жизни меньше года назад. Он был первым консервативным человеком, который мне хоть сколько-нибудь понравился, а когда я привела его домой познакомиться с мамой, та не могла скрыть своего восторга. Он вел себя обходительно, слегка флиртовал, подарил цветы, а когда мама узнала, что он пригласил меня в Шотландию, чтобы погостить у его родных и представить своей матери, ее счастьем не было границ. Мама даже купила мне твидовые брюки-гольф, чтобы я носила

их «на вересковых пустошах». В своих фантазиях она наверняка уже видела заметки о нашей помолвке в «Таймс», приглашения с гравировкой и саму свадьбу в Лондоне, где я выступила бы в главной роли, облаченная в белоснежное платье, которое эффектно смотрится со спины.

Но в последний момент Фиби положила конец этим милым фантазиям. Вышло так, что она сломала руку, а вернувшись из больницы в свой особняк Холли-коттедж с гипсом, тут же позвонила мне и слезно просила приехать и составить ей компанию. Фиби прекрасно могла справиться со всем самостоятельно, кроме вождения автомобиля, но пребывать в заключении до тех пор, пока не снимут гипс, было выше ее сил.

Слушая тетю по телефону, я наполнялась необъяснимым чувством легкости. Только тогда и призналась себе, что не хочу ехать на север к Гордонам. Я еще не была готова так тесно связать свою жизнь с Найджелом. На подсознательном уровне ждала подходящего предложения, чтобы увильнуть от помолвки. А теперь мне преподнесли его на блюдечке. Я без промедления ответила Фиби, что приеду. Затем известила Найджела, что не смогу отправиться с ним в Шотландию. И сейчас сообщила об этом матери.

Как и ожидалось, она пришла в ужас.

— В Корнуолл! К Фиби! — с явным отвращением воскликнула она.

— Мама, я должна поехать, — неуверенно улыбнулась я. — Ты же знаешь, она и двумя здоровыми руками еле-еле справляется с автомобилем.

Но мать не была настроена на юмор.

— Очень грубо отказывать в последний момент. Тебя больше никогда не пригласят! И что теперь подумает мать Найджела?

— Я напишу ей письмо. Уверена, она все поймет.

— А у Фиби... нет, ты никого там не встретишь, кроме замызганных студентов и экстравагантных дам в пончо ручной работы.

— Возможно, у миссис Толливер появится какой-нибудь подходящий для меня мужчина.

— Не стоит шутить на сей счет.

— Но это же моя жизнь, — мягко напомнила я матери.

— Ты всегда так говоришь. Даже когда переехала в тот отвратительный подвал в Ислингтоне. В Ислингтоне!

— Очень модный район, между прочим.

— А когда ты поступила в ту ужасную школу искусств...

— Зато теперь у меня есть приличная работа. Не будешь же ты это отрицать.

— Тебе пора замуж. Тогда не придется работать.

— Даже замужем я не брошу работу.

— Но, Прю, какое тебя ждет будущее? Я хочу для тебя нормальной жизни.

— Я и считаю свою жизнь нормальной.

Мы несколько секунд смотрели друг на друга. Затем мать судорожно вздохнула, смертельно обиженная на меня. По крайней мере, наш спор был на некоторое время окончен.

— Я никогда тебя не пойму, — с несчастным видом пробормотала она.

Тогда я подошла и обняла ее:

— Даже не старайся, просто порадуйся за меня. Я пришлю тебе открытку из Корнуолла.

В Пенмаррон я решила ехать не на машине, а на поезде. Утром взяла такси до вокзала Паддингтон, нашла свою платформу и вагон. Я забронировала себе место, но в поезде оказалось довольно свободно: к середине сентября поток туристов пошел на убыль. Я едва поставила багаж и устроилась на сиденье, как в окно постучали. Подняв взгляд, увидела на улице мужчину с портфелем в одной руке и букетиком цветов в другой.

Поразительно, но это был Найджел.

Я встала, вернулась к двери и сошла на платформу. Найджел шел ко мне с виноватой улыбкой на лице.

— Пруденс, я уж думал, не найду тебя.

— Что ты здесь делаешь?

— Пришел тебя проводить. Пожелать хорошего пути. — Он протянул мне букетик желтых махровых хризантем. — Это тебе.

Вопреки всему я оказалась очень тронута. В его поступке читался великодушный жест прощения и знак того, что он понимал причину моего отказа. Я почувствовала себя еще большей злодейкой. Приняв букет, завернутый в шуршащую белую бумагу, уткнулась носом в цветы. Пахли они восхитительно.

Я посмотрела на Найджела и улыбнулась:

— Сейчас десять. Разве ты не должен быть в офисе?

— Нет нужды торопиться. — Найджел покачал головой.

— Я и не думала, что ты занимаешь столь высокий пост в банковской иерархии.

Найджел широко улыбнулся:

— Не такой уж и высокий. Но я могу не приходить строго ко времени, тем более что предупредил о задержке.

У него было лицо серьезного взрослого человека, светлые волосы на макушке уже немного редели, но когда он широко улыбался, то выглядел совсем мальчишкой. Я засомневалась, стоит ли мне бросать этого представительного мужчину ради своей непредсказуемой тетки Фиби. Может, мама права?

— Прости, что подвела тебя. Вчера я написала твоей матери.

— Возможно, в следующий раз... — галантно сказал Найджел. — В любом случае не пропадай. Дай мне знать, когда вернешься в Лондон.

Я не сомневалась, что, если попрошу, он будет ждать меня. Встретит на вокзале, довезет до Ислингтона, возобновит наши отношения с того места, где мы остановились.

— Хорошо.

— Надеюсь, твоя тетушка скоро поправится.

— Она всего лишь сломала руку, это не болезнь.

Последовала неловкая пауза.

— Что ж, — произнес Найджел и потянулся поцеловать меня в щеку. Он едва чмокнул меня, даже не поцеловал. — До свидания, хорошего тебе пути!

— Спасибо, что приехал. И за цветы спасибо.

Найджел отступил, невнятно махнул рукой в качестве прощания и ушел. Я смотрела ему вслед, наблюдая, как он проходит мимо суетящихся носильщиков, тележек, семейств с чемоданами. У ворот Найджел в последний раз обернулся. Мы помахали друг другу. Затем он исчез. Я вернулась в поезд, положила цветы на полку и снова села. Лучше бы он не приходил.

В моем характере было больше от Шеклтонов, но иногда на поверхность всплывали иные мысли и эмоции, которые, скорее всего, достались мне от матери. Нынешний момент это подтверждал. Наверное, я сошла с ума, раз не хочу быть с Найджелом, не хочу встречаться с ним, тем более связать свою судьбу. Обычно я взбрыкивала как лошадь при одной мысли о замужестве, но, сидя сейчас в поезде и глядя на вокзал Паддингтон, вдруг уцепилась за эту идею. Столь надежный мужчина, как Найджел, подарит мне чувство безопасности. Я представила, как живу в его респектабельном лондонском доме, отправляюсь на каникулы в Шотландию, работаю, только если того захочу, а не потому, что нуждаюсь в деньгах. Я подумала о детях...

— Простите, здесь не занято? — услышала я чей-то голос.

— Что?

Я подняла взгляд на появившегося в проходе мужчину. В руке он держал небольшой чемодан, а рядом стояла тощая девочка лет десяти, темно-волосая, в круглых очках, делавших ее похожей на сову.

— Нет, не занято.

— Хорошо, — ответил мужчина, поднимая чемодан на полку.

Казалось, он не настроен на обмен любезностями, а некоторая нетерпеливость в движениях предостерегла меня от замечания касательно моих хризантем. Мужчина своим темно-синим костюмом в тонкую белую полоску напоминал Найджела — наверняка тоже работал в каком-нибудь офисе в Сити. Однако костюм сидел на незнакомце не слишком хорошо, будто стал ему тесен (я тут же представила себе помпезные официальные обеды), а когда он поднял чемодан, я рассмотрела дорогую рубашку, пуговицы которой еле держались на животе. Мужчина был темноволосым, наверное некогда даже симпатичным, но сейчас его подбородок отяжелел, цвет лица стал неровным, а длинные седеющие волосы компенсировали лысеющую макушку.

— Садись сюда, — велел он девочке.

Та осторожно опустилась на самый край сиденья. В руках она держала комикс, на плече висела красная кожаная сумка. Девочка была очень бледной, с короткими волосами, подчеркивающими длинную тонкую шею, и вид у нее был весьма несчастный. Я тут же вспомнила мальчиков, за которыми наблюдала на вокзале, — наряженные в строгие новенькие формы, они сглатывали слезы, а их тучные папаши разглагольствовали, как сильно им понравится в пансионе.

— Билет у тебя с собой?

Девочка кивнула.

— Бабушка встретит тебя на пересадочной станции.

Снова кивок.

— Что ж... — Мужчина провел рукой по волосам. Ему не терпелось поскорее уйти. — Тогда все. С тобой все будет в порядке.

Она вновь кивнула. Они взглянули друг на друга без улыбки. Мужчина собрался уходить, но тут что-то вспомнил.

— Вот... — Он полез во внутренний карман пиджака, достал бумажник из крокодиловой кожи и купюру в десять фунтов. — Тебе нужно будет поесть. Когда проголодаешься, сходи в вагон-ресторан и пообедай.

Девочка взяла банкноту и села, глядя на нее.

— Ну пока.

— Пока.

Мужчина вышел на перрон, остановился возле окна и небрежно махнул рукой. После чего поспешил к своему холеному автомобилю, который увезет его в безопасный деловой мир.

Я мысленно повторяла себе, какой Найджел замечательный и насколько отвратителен этот тип. Неясно, почему столь угрюмый человек провожал такую маленькую девочку. Она сидела рядом со мной тихая, словно мышка. Через некоторое время девочка дотянулась до сумки, расстегнула ее, положила туда купюру в десять фунтов и снова закрыла. Я хотела сказать что-нибудь дружелюбное, но, заметив блеск за стеклами очков, решила оставить ее наедине с собственными мыслями. Через мгновение поезд тронулся.

Я открыла «Таймс», просмотрела заголовки и нерадостные новости, а затем с чувством облегчения перешла к страничке, посвященной

искусству. Я нашла то, что искала, — обзор выставки, которая открылась несколько дней назад в галерее Питера Чэстала — всего в паре домов от места, где я работала на Маркуса Бернштейна.

Автором картин был Дэниел Кассенс. Его творчество всегда вызывало у меня интерес, поскольку в двадцатилетнем возрасте он жил целый год в Корнуолле у Фиби и изучал скульптуру у Чипса. Я не встречалась с ним лично, но Фиби и Чипс восторженно отзывались об этом молодом человеке, а когда он уехал, чтобы продолжить свою карьеру в Америке, Фиби страстно следила за его успехами, словно он приходился ей сыном.

Он много путешествовал и провел несколько лет в Америке, потом отправился в Японию, где посвятил себя замысловатой простоте восточного искусства.

Новая его выставка была результатом нескольких лет, проведенных в Японии. Критик с энтузиазмом подчеркивал умиротворенность и педантичность работ Дэниела Кассенса, отмечая выверенные акварельные штрихи и утонченные детали.

«...Это уникальная коллекция, — говорилось в заключении. — Полотна дополняют друг друга, каждое представляет собой грань редкого опыта. Оторвитесь на часок от повседневных дел и посетите галерею Чэстала. Вы вряд ли уйдете разочарованными».

Фиби будет вне себя от счастья. Я свернула газету, посмотрела в окно и увидела, что мы уже

миновали окраину и пересекаем пригород. День стоял влажный, по небу перекатывались огромные серые облака, порой меж ними мелькали лазурные лоскутки. Желтеющие деревья сбрасывали первые листья. На полях вспахивали землю тракторы, сады при коттеджах были лиловыми от новобельгийских астр. Поезд несся вперед.

Я вспомнила про свою маленькую спутницу и повернулась к ней. Девочка до сих пор не притонулась к комиксу и не расстегнула пальто, но слезы отступили, и в целом выглядела она более собранной.

— Куда ты едешь? — спросила я.

— В Корнуолл, — ответила девочка.

— И я тоже в Корнуолл. А куда именно?

— В гости к бабушке.

— Наверное, там будет здорово, — сказала я, задумавшись. — Но разве сейчас не учебное время? А как же школа?

— Да, но я учусь в пансионе. Мы вернулись с каникул, а потом взорвался котел, поэтому школу закрыли еще на неделю, пока все не починят, а нас отправили по домам.

— Какой ужас! Надеюсь, никто не пострадал.

— Нет. Но миссис Браунриг, наша директриса, на целый день слегла в постель. Классная дама сказала, что у нее шок.

— Неудивительно.

— И я отправилась домой. Но там нет никого, кроме отца. Мама отдыхает на Майорке. Она улетела под конец каникул. Поэтому мне пришлось поехать к бабушке.

Судя по интонации, идея эта девочку вовсе не прельщала. Мне хотелось как-то приободрить ее,

но она взяла в руки комикс и принялась демонстративно листать его. Я улыбнулась, поняв намек, и тоже взялась за чтение. Наш путь проходил в тишине, которую нарушил пришедший из вагона-ресторана официант: он сообщил, что подают обед.

Я отложила книгу.

— Ты хочешь пообедать? — спросила я у девочки, помня о купюре в ее сумке.

Казалось, моя спутница была в растерянности.

— Я... я не знаю, куда идти.

— Я как раз туда иду. Хочешь пойти со мной? Мы можем пообедать вместе.

Девочка благодарно просияла:

— Правда? У меня есть деньги, но я никогда не ездила в поезде одна и не знаю, как себя вести.

— Понимаю твое смущение. Давай-ка поторопимся, пока не заняли все столики!

Мы вместе проследовали по качающимся коридорам, нашли вагон-ресторан и позволили провести нас к столику для двоих. Он был накрыт чистой белой скатертью, в стеклянной вазе стояли цветы.

— Мне немного жарко, — сказала девочка. — Как вы думаете, я могу снять пальто?

— Неплохо было бы.

Она так и сделала, официант подошел помочь ей: свернул пальто и перекинул через спинку сиденья. Мы открыли карты меню.

— Ты голодна? — спросила я.

- Да. Мы позавтракали очень давно.
- Где ты живешь?
- В Саннингдейле. Я приехала в Лондон на отцовской машине. Он ездит так каждое утро.
- Отцовской? Тебя провожал отец?
- Да. — (А он ведь даже не поцеловал дочь на прощание.) — Он работает в Сити. — Наши взгляды встретились, и девочка поспешила отвернуться. — Папа не любит опаздывать.
- Как и многие мужчины, — сказала я, пытаясь немного успокоить ее. — Так ты остановишься у его матери?
- Нет. Бабушка — мама моей мамы.
- А я еду к своей тете, — жизнерадостно ответила я, стараясь поддержать разговор. — Она сломала руку и не может водить машину, поэтому я буду ей помогать. Она живет в самом конце Корнуолла, в деревеньке под названием Пенмаррон.
- Пенмаррон? Я тоже туда еду!
- Какое совпадение.
- Потрясающе!
- Я Шарлотта Коллис. Внучка миссис Толливер. Она моя бабушка. Вы знаете миссис Толливер?
- Да, знаю. Не слишком хорошо, но знаю. Моя мама раньше частенько играла с ней в бридж. А мою тетю зовут Фиби Шеклтон.
- Лицо девочки засветилось. Впервые за то время, что я видела ее, она казалась обычным радостным ребенком. Глаза за линзами очков округлились, рот приоткрылся от восторга, мелькнули слишком крупные для узкого лица зубы.